

Ходжакбар ШАЙХОВ

ГЛАЗА

Повесть

И сказал Удод: «Всякий, у кого есть сомнения, пусть спросит».

И тогда спросила одна птица: «О любимейшая из птиц! Все мы одного роду-племени. У всех у нас крылья и пернатый наряд. Но почему лишь тебе одному известны сокровенные тайны, а мы их не знаем? Поведай нам, откуда это различие, не скрывай ничего. Мы хотим знать причину».

И ответил Удод собравшимся перед ним птицам: «Это оттого, что удостоил меня своим взглядом царь Соломон. Создатель ниспослал на него свою милость, избрал своим пророком, наделил венцом, повелел править всем сущим на земле — джиннами и людьми, дикими зверями и птицами. И этот всемогущий венценосец осчастливил своим вниманием меня, недостойного. И крохотная корона на моей голове — знак высокой чести, которой я удостоен. Так знайте же: всякий, кого коснется взгляд чистого сердцем человека, проникается знанием сокровенных тайн, ибо взгляд такого человека способен даже прах превращать в сокровища».

Алишер Навои. «Язык птиц»

Эксперт-психолог Акмаль Ганиханов без стука открыл дверь в кабинет шефа.

— Вызывали, Анвар Саидович? — Кроме шефа, в комнате находились еще двое не знакомых Акмалю людей.— Может, попозже?

— Входите, Акмальбек,— Саидов оторвал взгляд от лежащей на столе бумаги.— Вы-то мне и нужны. Садитесь.

Он опять наклонился над бумагой и несколько минут сосредоточенно ее изучал. Трое молча ждали. Анвар Саидович закончил читать документ. Морщины на лбу исчезли, лицо приняло рассеянное выражение. «Дело, похоже, серьезное»,— отметил про себя Акмаль. Такое выражение лица у шефа возникало всякий раз, когда ему приходилось поручать сотрудникам отдела какое-нибудь особенно запутанное и головоломное дело.

— После операции «Трест» вам полагалось отдохнуть денек-другой.— Анвар Саидович виновато кашлянул и развел руками.— Но другого выхода у нас нет... Кстати, познакомьтесь — директор Института физических исследований Хасил Сафарбаевич Фазилов.

Коренастый смуглый мужчина лет пятидесяти пятиулыбнулся и чуть заметно кивнул. Серебристо-седые вьющиеся волосы красиво оттеняли высокий лоб.

— А это ученый секретарь Института товарищ Ту- раев.

«Он самый»,— только так можно было истолковать наклон всем корпусом, который проделал молодой человек с густыми сросшимися бровями.

— Дело в том, Акмальбек,— продолжал Анвар Саидович,— что в Институте совершено преступление... Возможно, преступление.

— Так будет точнее,— деликатно вставил Фазилов, глядя на Саидова поверх изящной оправы очков.— Простите, но доказательств у нас по существу никаких...

— Полностью согласен с профессором! — оживился ученый секретарь, перебегая глазами с одного на другого,— Вполне возможно, что никакого преступления и нет. Трудно сказать что-то определенное...

— Понятно,— мягко, но решительно прервал его Саидов и, едва сдерживая улыбку, взглянул на эксперта.— Думаю, и вы все поняли, Акмальбек. Не правда ли?

— Да, конечно,— усмехнулся Акмаль, но Саидов уже заговорил серьезным тоном:

— Руководство Института просит нас провести расследование. Дело запутанное и... деликатное. Двое ученых, ну, скажем, так: не сошлись характерами, и один подверг другого...— Саидов покосился на бумагу,— высокочастотному гамма-облучению. Я правильно произнес, профессор?

— Произнесли-то правильно,— директор опять смотрел на Саидова поверх щегольских очков.— Но это могло быть не обязательно гамма-излучение. С таким же успехом можно предположить и воздействие электромагнитных волн и просто потока электронов. Да там в заявлении все написано.

— Исчерпывающе,— уголки губ шефа опустились и вновь приняли обычное положение.— В общем, есть над чем поломать голову, Акмальбек. Начинайте.

«Ломать голову?» — едва не сорвалось с языка Гани-ханова, но он вовремя сдержался.

— Слушаюсь.— А про себя подумал: на этом деле действительно черт ногу сломит.

Штат лаборатории высокочастотных испытаний состоял из семи человек. Это были заведующий лабораторией, старший научный сотрудник и пять инженеров.

Отношения между заведующим и старшим оставляли желать лучшего. Инженеры держались обособленно. С начальством не конфликтовали. Между собой — тоже. Изучение личных дел сотрудников, на которое ушла большая часть дня, ничего существенного не дало: люди как люди. Специалисты своего дела.

Прокручивая все это в памяти по дороге в лабораторию, Акмаль безуспешно пытался нащупать хоть какую-нибудь зацепку: ее просто не было. Ничего такого, что могло бы вызвать хоть какое-то подозрение. Нелады между заводом и эсэнэс (как мысленно называл старшего научного сотрудника Акмаль)? Но где их не бывает? И, судя по всему, не так уж они далеко и зашли, чтобы толкнуть человека на преступление. Тогда что? Несчастный случай? Несоблюдение мер безопасности? Во всем этом предстояло разобраться на месте.

Лаборатория размещалась в трех расположенных подряд по коридору комнатах. Первую, как было уже известно Акмалю, занимали заведующий и эсэнэс. Две оставшиеся — инженеры.

Первая дверь оказалась запертой, и эксперт, независимо помахивая черным «дипломатом», вошел во вторую. Здесь двое молодых людей колдовали над полусобранной схемой какого-то устройства. Увлеченные своим делом, они едва ответили на приветствие Акмаля. Это было ему только на руку. Приглядевшись к работающим, он без труда опознал их по фотографиям в личных делах. Круглолицего крепыша с выразительными чертами звали ААухтаром Барноевым. Второй — блондин с роскошными «запорожскими» усами — был, наверняка, Юрий Харитонов.

Улучив момент, когда инженеры отвлеклись от работы, эксперт представился.

— Я племянник Джамшида-ака. Только что из Намангана приехал. Позвонил дяде с вокзала — дома никто трубку не берет. Значит, думаю, на работе. Вы мне его кабинет не покажете?

— Показать можно,— Мухтар оглядел гостя с головы до ног.—

Отчего же не показать? Только вот, боюсь, бесполезно это.

— Бесполезно? Почему?

— В больнице Джамшид-ака.

— В больнице? — как можно натуральнее изумился Акмаль.— Что случилось?

— Ничего страшного.— Мухтар снова смерил его взглядом.— Приболел малость.

— В какой он больнице?

— В первой.

Второй инженер, не принимая участия в диалоге, продолжал задумчиво разглядывать схему.

— Провалиться мне, если не в магнитном усилителе дело,— изрек он наконец, досадливо морщась.— Мощности не хватает. Придется еще один искать.

Кажется, он только теперь по-настоящему осознал присутствие третьего лица.

— Да вы проходите, что в дверях стоять? Садитесь.

Акмаль опустил на стул, поставил «дипломат» рядом.

— Как раз этого я и опасался,— сокрушенно вздохнул Мухтар.— Представляешь себе, что значит второй усилитель монтировать? Весь корпус переделывать придется.

— Ну а что делать? Будем корпус менять.

Инженеры молча уставились друг на друга.

— С гостиницей устроились? — неожиданно обернулся к гостю Мухтар.

— Как раз об этом думаю,— Акмаль озабоченно потер щеку.— У дяди Джамшида, раз он в больнице, останавливаться неудобно. А в гостиницу у вас тут, наверное, проблема попасть. Столица.

— У меня переночуете,— решил Мухтар.— Квартира, правда, однокомнатная, зато раскладушки две.

Акмаль невольно улыбнулся. Импровизация шла как по маслу.

— Не стесню?

— Нисколько. Кстати, и ты, Юра, с нами идем. Время-то уже шесть. Все равно сегодня не закончим эту штуку. Приготовлю плов по-андижански — пальчики оближете. Поболтаем вволю. Уговорил?

Харитонов начал было отнекиваться, ссылаясь на то, что ему нужно взять книгу в библиотеке, но в конце концов не устоял и принялся собирать разбросанные по столу детали.

— Попробуем магнитный усилитель на транзисторы заменить,— сообщил он между делом.

— Опять к старому варианту? — возразил Мухтар.

— А как быть? Получится — значит, время сэкономим.

— Понятно. Все лучше, чем целиком установку переделывать.

— Умница,— уважительно покосился Харитонов.— На лету усек.

— Да ладно тебе! — отмахнулся Мухтар.— Собирайтесь, гость.

— Я готов.— Акмаль поднялся и взял в руки «дипломат».

Мухтар щелкнул ключом в замочной скважине и настежь распахнул дверь с ромбовидной номерной табличкой, на которой красовалась цифра 85.

— Прощу! — И посторонился, пропуская гостей в квартиру.— Будьте как у себя дома.

Квартира состояла из довольно просторной комнаты с лоджией и небольшой кухоньки. Зеленый линолеум на полу, салатных расцветок обои — на всем следы холостяцкого образа жизни.

— Извините за беспорядок,— Мухтар виновато развел руками.— Горим на работе. Бытом заниматься некогда. Но плов я вам смастерю за сорок минут. А вы пока в шахматишки сразитесь.

— Может, лучше тебе помочь? — предложил Юрий.

— Не надо,— откликнулся Мухтар уже из кухни.— У меня тут все приготовлено. Осталось в казан опустить.

Акмаль тем временем принялся расставлять фигуры на шахматной доске. Взглянул на Харитонova.

— Сыграем? В чемпионах, правда, никогда не числился, но кое-кого из тех, кто себя выше чемпионов мнит, случалось, обыгрывал.

— Тогда считайте, что вам повезло,— усмехнулся инженер.— Я себя и любителем-то назвать не решусь. Все как-то руки до шахмат не доходят. То ли дело Джам- шид-ака и Закир Кудратович!

— Закир Кудратович? — насторожился Акмаль.

— Старший научный сотрудник.

— Здорово играют?

— Мягко сказано,— Юрий опустил на стул.— Когда они в шахматы режутся, того и гляди доска вспыхнет! Громы и молнии!

— Интересно.— Акмаль расставил фигуры.— Начнем? Ваш ход.

— Начнем так начнем.— Юрий подвинул королевскую пешку.

— Обычно так играют те, у кого есть личные счета.

— Пешкой? — спросил Харитонов.

«А парень себе на уме!» — отметил эксперт, повторяя ход белых.

— Я Джамшида-ака имел в виду.

— Так бы и говорили.— Юрий пошел конем.— Что ж, может, вы и правы. Отчасти.

Из кухни донеслось шипение раскаленного масла.

— В один из своих приездов в Наманган дядя жаловался на какого-то научного сотрудника...— «вспомнил» Акмаль.

— На Закира Кудратовича,— задумчиво разглядывая фигуры, кивнул инженер.— Больше не на кого.

— И чего людям не хватает? — эксперт вывел вперед ладью.— Будто тихо-мирно жить нельзя.

— Когда можно, а когда нельзя,— возразил Юрий.— У них, например, эта история давно тянется.

— Уж не с детства ли? — съехидничал Акмаль.

— С детства, не с детства...— инженер пошел ферзевой пешкой.— И вообще...

— Что «и вообще»?

Юрий поднял взгляд от шахматной доски.

— Давайте сменим тему разговора. От этого у нас и так у всех голова болит.

— В таком случае,— Акмаль взялся за ферзя,— вам шах, молодой человек.

— Пешка, похоже, тютю,— констатировал инженер без особого сожаления.— А, нет, можно спасти.

— Странно...

— Странно? — насторожился Юрий.

— Я не о шахматах. Странно, что я о родном дяде ничего толком не знаю. Кто у него друзья, кто враги.

— Так уж люди устроены,— вздохнул Харитонов,— Бок о бок, а друг друга не знают.

Вошел Мухтар с салатницей и пиалушками в руках. Сообщил, ставя посуду на стол:

— Плову еще минут двадцать стоять. Есть мыслишка: беленького по пиале для настроения. Как вы? — И, не дожидаясь ответа, достал из холодильника графин с белой жидкостью.

«Кумыс»,— решил эксперт и, не давая разговору изменить направления, пустил «пробный шар»:

— Всегда считал дядю положительным человеком...

Харитонов промолчал. «С тобой все ясно,— подумал

Акмаль.— Береженого бог бережет». Инженер защитил короля пешкой.

— Еще шах!

— Неужели мат? — в голосе Юрия было больше иронии, чем сожаления.

— Почти,— кивнул Акмаль.— Но не совсем.

— Думаю,— Мухтар сел за стол и принялся наливать в пиалушки из графина,— у вас нет оснований разочаровываться в своем дяде. I

— И я бы этого не хотел,— признался «племянник»,— да вот послушал Юрия: вражда, личные счеты... История, от которой у всех голова болит...

— Проиграл,— Харитонов отодвинул шахматы к краю стола.— Сдаюсь. А насчет Джамшида-ака вы зря. Враги у всех есть. И это в порядке вещей.— Он усмехнулся.— Чтобы друзей больше ценить. Ну, а если серьезно, то многое от самого человека зависит. От его отношения к друзьям и врагам.

— Сухие философствования,— притворно поморщился Мухтар и поднял пиалу.— В горле першит. Смазать надо.

Акмаль отхлебнул и вытаращил глаза.

— Молоко,— с довольным видом сообщил Мухтар.— Джамшид-ака других напитков не признает. И нас приучил.

— Молодцы! — от души восхитился эксперт.— А то «сухой закон», «сухой закон»! Зачем, когда молоко можно пить? И вкусно, и полезно!

— И психологически оправдано,— вставил Юрий.— Чокнулся, выпил — глядишь, и тонус вверх повело.

— Думаете, дядя Джамшид для того молоко и пьет? — хитро прищурился Акмаль.

— Для чего «для того»? — переспросил Мухтар.

— Чтобы с врагами на равных.

— Вряд ли. Нравится, вот и пьет. А насчет врагов... Закир Кудратович в виду имеется?

— Хотя бы и он. Что между ними происходит?

— На этот вопрос вам, пожалуй, никто не ответит.

— Вот и Юрий так считает. Почему?

— «Почему-почему»! — рассердился Мухтар.— Лично я не могу их отношения понять. Других понимаю, а их нет. И никто не поймет.

— Так уж и никто? — подзадорил Акмаль.

— Ладно вам,— вмешался Харитонов.— Софистику развели. Покопаться как следует — и все ясно станет.

— Правильно! — просиял Акмаль.

— В чем угодно, только не в этом,— продолжал упорствовать Мухтар.

— Ив этом тоже.— Юрий перевернул доску и принялся складывать в нее фигуры.— Ты вспомни, с чего у них сыр-бор начался?

— А тут и вспоминать нечего. С изобретения.

— Говори уж подробнее. Тут чужих нет. Да и Ак- мальджан должен всю правду знать.

— Подробнее. А что? Скажу.— Мухтар повернулся к Акмалю.— Лет десять назад Джамшид-ака изобрел способ получения алмазов искусственным путем...

— Рассказывать, так уж все по порядку,— перебил его Юрий и протянул пиалу.— Плесни-ка еще. А я Акмалю все как было растолкую. Плов не перестоит?

Мухтар взглянул на часы.

— Не перестоит.— И наполнил пиалушки.

— Шестнадцать лет назад Джамшид-ака окончил Бауманское училище в Москве, а Закир Кудратович — физфак Ташкентского университета, и под началом академика Арипова занялись проблемой вторичной эмиссии. Тогда-то впервые обнаружили у Джамшида-ака способности к теоретическим исследованиям, а у Закира Кудратовича — к испытательной работе. Любо-дорого было смотреть, как они вдвоем пахали. Новую идею обычно нащупывал Джамшид-ака. Высказывал ее Закиру Кудратовичу. Тот начинал с того, что камня на камне от идеи не оставлял. Начинался спор, да еще какой — вся лаборатория ходуном ходила!

А денька через два-три Закир Кудратович как ни в чем не бывало подходил к Джамшиду-ака и с ходу брал быка за рога: «Хочешь открыть новый способ получения монокристаллов, а при этом забываешь то-то и то-то. Теория, брат, теорией, а вот на практике...» Ну и дальше фейерверк практических предложений, с помощью которых идея Джамшида-ака перестает витать в облаках и прочно становится на ноги. Джамшид-ака поначалу возражал, но, поразмыслив, соглашался. Закир Кудратович за пару месяцев выдает генеральную схему, а уже мы сообща доводим ее до ума.

Вот это было содружество! Более десяти изобретений за какие-

нибудь пять-шесть лет. Со стороны посмотреть— комар носу не подточит. Все правильно, все по закону, ни к чему не придерешься. Одно только маленькое «но»... Именно в это время пробежала между ними черная кошка. И, честно говоря, я Джамшида-ака понимаю. Несправедливо получилось. Идеи от начала до конца выдавал он, теоретическое обоснование полностью его. Закир Кудратович фактически по готовому работал. А изобретения оформлялись на двоих. Не так, скажешь?

— Так,— подтвердил Мухтар.— Только...

— Что «только»? — Юрий разошелся уже вовсю.--» Знаю, на что намекаешь. Разговоры, пересуды. А иначе и быть не могло. Человек у всех на виду паразитировал.

— Скажешь...— поморщился Мухтар.— Он ведь тоже не сложа руки сидел.

— Правильно. Но изобретения-то делал не он! Я против Закира Кудратовича ничего не имею. Он и организатор великолепный, и экспериментатор, и хозяйственник. Но не теоретик. А изобретения и открытия делают теоретики.

— А как тогда с Оппенгеймером быть?

— А никак! Там одно, здесь другое. Да он никогда не лез в теоретики.

— Ой ли?

— Плов перестоит,— напомнил Акмаль.

— Правда! — спохватился Мухтар, вскакивая из-за стола.— С этим Харитоновым вечно так. Заведется — не остановишь.

— Помочь? — предложил Акмаль, кивнув в сторону кухни. ,

— Сидите, сам управлюсь.

— Вы о каких-то разговорах упоминали,— напомнил эксперт, когда Мухтар скрылся за дверью.

— А-а! Говорить противно! — отмахнулся инженер.— Сплетни, они ведь как снежный ком с горы. Не успеешь оглянуться — и уже не понять, где правда. Джамшид- ака вроде бы сказал, что не будь его, Закир Кудратович никогда выше рядового хозяйственника не поднялся бы. А тот в ответ: «Без меня Джамшид — пустопорожний мечтатель. Это я за него все делаю». Ну и дальше в геометрической прогрессии: «Закир — плагиатор, мои идеи крадет». «Джамшид ни одной свежей мысли не родил, давно известное повторяет. Это я из ничего что-то де-

лаю. А он только и знает, что под авторскими свидетельствами подписи ставить». В общем, такое наворотили друг на друга, экскаваторами не разгрести. И ведь умные мужики. На людях ни слова лишнего. Только по делу. Корректно, без подковырок, не повышая голоса.

В конце рабочего дня обязательно партия в шахматы: смотрите, мол, прежде играли и теперь продолжаем. Хотя именно этого-то им делать и не следовало.

— Почему? — быстро спросил эксперт.

— Выдают их шахматы. С головой выдают. Со стороны-то виднее. У Закира Кудратовича такая холодная ярость во взгляде... Кстати, вы в дурной глаз верите, Акмальджан?

Ответить эксперт не успел — в комнату вошел Мухтар с ляганом в руках, и головокружительный запах защекотал ноздри. Плов действительно удался на славу.

— С андижанским пловом ничто сравниться не может! — прихвастнул Мухтар, глядя, как аппетитно едят гости. И тотчас оговорился: — Разве что в Ташкенте конкуренты найдутся.

— Без конкурентов нельзя,— кивнул Юрий, орудуя ложкой.— Конкуренция — двигатель прогресса.

— Хорошо, если бы только повара между собой конкурировали,— вздохнул Мухтар.

— Вы о дурном глазе спросили,— вернулся Акмаль к прерванному разговору.— Так вот я лично в сглаз верю.

— Фантастикой увлекаетесь? — усмехнулся Юрий.

— Увлекаюсь. Особенно если она от реальности отталкивается.

— Это другое дело,— согласился Харитонов,— А что касается сглаза...

— ...то Юра у нас в такие вещи не верит,— вмешался Мухтар,— Из-за чего у нас с ним вечные разногласия.

— Не верю,— подтвердил Харитонов,— И никогда не поверю, что Джамшид-ака слег потому, что его Закир Кудратович «сглазил».

— Вот так,— сокрушенно кивнул Мухтар,— Уперся и ни в какую. Сколько я ему случаев приводил, сколько убеждал — все бесполезно!

— Неубедительные, наверное, случаи,— улыбнулся Акмаль.

— Да уж куда убедительнее! — всплеснул руками Мухтар.— Взять хотя бы Дустжана-ата из нашей ма-халли...

— Пошло-поехало,— усмехнулся Юрий.

— А я не для тебя рассказываю. Не хочешь, не слушай... Собрались

мы как-то на хашар¹ к моему родственнику. Глинобитную стену вокруг сада поднять. Работаем. И вдруг откуда ни возьмись — Дустжан-ака. Идет, глаза вытарачил. А они у него — противнее некуда. Глянет — и мороз по коже. «Бог в помощь!» — говорит.— Не уставайте! Ишь какую махину подняли, молодцы!» И дальше своей дорогой пошел. Бабушка моя тут как тут, выскочила из дому, подожгла руту в совке и давай нас всех дымом окуривать. А сама старика Дустжана на чем свет стоит ругает. «Чтоб ты провалился, проклятый! Чтоб земля тебя проглотила!» Так что вы думаете? В тот же вечер новенькая пахса² рухнула.

— И рута не помогла,— съехидничал Харитонов.

— При чем тут рута? — возмутился Мухтар,— Я о дурном глазе толкую.

— А дурной глаз при чем? Строить надо как следует.

На этот раз Мухтар пропустил реплику мимо ушей.

— Бабушка рассказывала, будто Дустжан-ака давно в мехалле недоброй славой пользуется. Однажды он лошадь сглазил. «Вот это я понимаю конь,— говорит.— Сразу видно — породистых кровей». И копь тут же споткнулся и ногу сломал.

— Совпадение,— буркнул Юрий.

— А по-моему, что-то есть в этом,— возразил эксперт.— Дыма без огня не бывает. Неспроста люди детям на руки бусинки вешают, как талисман от дурного глаза.

— Правильно! — оживился Мухтар.— Бабушка рассказывала, что стоит Дустжану на малыша взглянуть да еще похвалить, вот, мол, какой молодец растет, как у того бусинки, привязанные к запястью, сами собой сыпаться начинают.

— Вот-вот! — расхохотался Юрий.— Хорош талисман!

— А еще я недавно читал, что в Казахстане специальные соревнования проводились...

— Первенство республики по дурному глазу! — вставил Юрий.— Кто кого пересглазит.

— Не перебивай. Так вот, там один участник взглядом заставил валун с горы скатиться.

— Вот дает! — восхитился Харитонов.— Таких на лавинозащитные станции надо посылать.

¹ Коллективное оказание безвозмездной помощи.

² Глинобитная стена.

А другой взглядом виноградник засушил.

— Ну, этого явно под суд отдать... Слушай, а ты, я смотрю, тоже фантастикой увлекся? Признавайся, где вычитал?

— Не помню,— признался Мухтар.— Кажется, это фельетон был.

— Так бы сразу и говорил.— Юрий отложил ложку и вытер губы салфеткой.— А если без шуток, то я уверен, что глаза Закира Кудратовича никакого отношения к болезни Джамшида-ака не имеют.

— Не знаю, Юра, не знаю,— с сомнением покачал головой Мухтар.— Это как подойти. Но и то, что ты предполагаешь, тоже ни в какие ворота не лезет.

— А что вы предполагаете? — обернулся Акмаль к Харитонову.

— Понимаешь, Акмальджан, я ничего не берусь утверждать наверняка.— Юрий опустил на стол скомканную салфетку.— Ну а строить предположения никому не возбраняется. И считать их реальными тоже. Одним словом, отношения у вашего дяди со старшим научным складывались последнее время хуже некуда. Не так давно они, а вернее Джамшид-ака рассчитал электроизмерительный прибор для металлургического комбината. Закир Кудратович, как всегда, руководил монтажом и доводкой. Прибор имел большое промышленное значение. Министр лично приезжал в институт, просил ускорить работу. И тут между шефом и старшим впервые открытый скандал разразился. Да еще какой скандал.

Обычно когда они авторское свидетельство подписывали, в нем указывалось, что оба изобретателя имеют равные права. А на этот раз Джамшид-ака уперся: десять процентов Закиру Кудратовичу и ни процента больше. Тот, понятное дело, взвился и на имя директора института заявление накатал. Джамшид-ака в свою очередь нагаисал, что не только к этому изобретению, но и ко всем предыдущим Закир Кудратович вообще никакого отношения не имеет. Что проделанную им работу в состоянии выполнить рядовой инженер. И потребовал, чтобы Закира Кудратовича отстранили от работы в лаборатории. Старший света божьего не взвидел и на партбюро вопрос ребром поставил: или этот пустопорожний мечтатель, или я!

— Ты расскажи, как они у себя в кабинете друг на друга орали,— вмешался Мухтар.

— Было,— подтвердил Юрий.— Но мы сейчас не об этом. Так вот, насчет моего подозрения. Подозрения, повторяю. Не больше. О нем только двое знали: я да Мухтар. Столы у них в комнате стоят друг

против друга. У Джемшида-ака на столе кое-какие книги, стопка бумаги, авторучки. И все. У Закира Кудратовича — разная измерительная аппаратура, тестер и мощный высокочастотный источник электроэнергии. В нем-то все и дело.

— Не поймет,— снова вмешался Мухтар.— Говорить, так уж все по порядку. Расскажи, как раньше было.

— Верно,— согласился Харитонов.— Прежде у него стоял автономный источник энергии, но всего на десять киловольт. И этой мощности с избытком хватало для испытаний нового прибора. И вдруг ни с того ни с сего Закир Кудратович заменяет источник на более мощный. Тридцать киловольт! Как вам это понравится? Тридцать тысяч вольт! И мотивирует тем, что якобы прежней мощности для прибора не хватает.

— А что, для прибора действительно не требовались такие мощности?

— Конечно, нет. Уже при одиннадцати-двенадцати киловольтах некоторые элементы схемы выйдут из строя.

— Понятно.

— Что вам понятно?

— Выйдут из строя.— Акмаль, не моргнув глазом, выдержал испытующий взгляд Харитонova.— Я что-то путаю?

— Стараетесь запутать,— усмехнулся Юрий.— Но это уже ваше личное дело.

«Догадывается,— понял Акмаль.— Но теперь это уже неважно. Может, даже к лучшему. Он искренен, а это главное».

— Или наоборот.

— Это как?

— Мое, но не личное.

Мухтар недоуменно переводил взгляд с одного собеседника на другого.

— Не пойму, о чем вы?

— И не надо,— усмехнулся Юрий.— Знаешь, что для инженера-физика главное?

— Что?

— Не совать нос в чужие дела. Даже если они не личные. Верно, Акмальджан?

Эксперт молча пожал плечами и изобразил на лице беззаботную улыбку.

— Так вот,— продолжал Юрий.— Под напряжением двадцать пять киловольт высокочастотный источник энергии излучает электромагнитные волны, вредные для живых организмов.

«Вот и разгадка,— устало подумал Акмаль.— Все проще простого. Злодей старший научный сотрудник подвергает соперника смертоносному облучению, а за компанию и самого себя тоже: сидят-то они в одной комнате».

Мухтар словно прочитал его мысли.

— Джамшид-ака увлекающийся человек. Загорится какой-нибудь идеей — часами из-за стола не встает. А Закир Кудратович — напротив — каждые полчаса покурить выходит.

— И, уходя, врубает высокочастотный источник на полную мощность.— Акмаль в упор уставился на Харитонову,— Так?

Юрий неопределенно пожал плечами.

— Так,— ответил Мухтар.— Приблизительно так.

— А что же эти... ну как их — элементы схемы?

— А вы молодец, Акмальджан,— одобрительно кивнул Юрий.— Мы тут тоже уперлись было в тупик. Можно, конечно, предположить что, уходя, Закир Кудратович подключает высокочастотный генератор к какому-то другому потребителю энергии, а возвратившись, вновь понижает мощность и подключает к прибору. Но потребителя энергии, рассчитанного на подобную нагрузку, в нашей лаборатории нет.

— Физики народ изобретательный.— Акмаль понимал, что выходит за рамки роли «племянника из провинции», но теперь это уже не имело значения: ребята разговорились.— Когда нужно...

— Во! — восхитился Юрий.— Видишь, Мухтар, что значат гены?

— Гены? — удивился тот.

— А что же еще? Чей Акмаль племянник? Джамшида-ака. И тоже на лету все схватывает.

Это была явная подначка, но подначка беззлобная. И знали о ней только двое: Акмаль да Юрий.

— Сопrotивление на несколько тысяч мегаом — и все в порядке,— продолжил Харитонов, переходя на «ты».— Но ты это сразу усек, а мы с Мухтаром месяц голову ломали, пока Закир Кудратович сам не подсказал.

— Сам? — недоверчиво переспросил Акмаль.

— Юра однажды без стука в их комнату вошел,— разъяснил Мухтар.— Вот и успел заметить, как старший что-то со стола сгреб —

ив карман.

— Это сопротивление, оно что — маленькое? — спросил эксперт.

— С мизинец.— Для наглядности Мухтар показал палец.— Вот такусенькое.

— А что,— уже почти не таясь, обрадовался Акмаль,— это уже вещественное доказательство. Спасибо вам, друзья, за консультацию.

— Чем богаты,— развел руками Харитонов.— К сожалению, это все, что касается интересующего тебя вопроса. Будем рады, если хоть немного тебе помогли.

— Конечно, помогли.— Акмаль допил чай и поднялся.— Мне кажется, ваши предположения вполне вероятны. А теперь мне пора. Еще раз спасибо.

— Как? — искренне удивился Мухтар.— А ночевать разве не останетесь?

— Святая простота! — изрек Юрий и подмигнул эксперту.— Да разве после всего здесь услышанного Акмальджан может позволить себе не навестить дядю сегодня же?

Акмаль улыбнулся и взглянул на часы.

— Юрий прав. Поеду в больницу. Все мы в этом мире тленны.

— Чем не Омар Хайям? — Мухтар разве что в ладоши не захлопал.— А вы мне действительно понравились, Акмальджан. Заходите, всегда рад буду вас видеть.

— Я, пожалуй, тоже пойду,— сообщил Юрий.— Завтра вставать рано. И ты отдыхай, Мухтар. Спасибо за плов.

В далекой горной стране жил мудрец по имени Хаким Амир Шайх. По учености своей и уму мог он быть покровителем всего сущего на земле, но предпочел довольствоваться обществом подобных ему благопристойных людей и пользовался у них почитанием и любовью. В те далекие времена люди жили в согласии с окружающим их миром: не охотились на животных, оберегали деревья и травы. Общими были у них заботы и радости, но и бедствия были общие.

— Как-то однажды пришли в скромную худжру³ Хакима Амир Шайха несколько дехкан. Было жаркое лето, но в худжре стоял прохладный полусумрак и пахло старыми книгами.

— О мудрейший из ныне живущих! — обратился старый дехканин к хозяину худжры,— Вот уже три месяца умоляем мы всевышнего

³ Келья

послать на наши поля живительный дождь. Но творец глух к нашим мольбам. Земля растрескалась от засухи, рассыпается в пыль. Гибнут поля и сады. Один ты можешь помочь нашей беде. Сотвори чудо, святой человек. Спаси нас. Прелей дождь на поля, сады и леса.

Долго молчал Хаким Амир Шайх, прежде чем ответить дехканам. Когда-то он умел вызывать дождь. Но это было давно. Так давно, что теперь он даже не был уверен, способен ли повторить это чудо. Отказать — означало вызвать на себя гнев и обиду. Попытаться и не суметь — значило потерять доверие людей. Наконец он решился.

— Дети мои,— голос его звучал смиренно и тихо.— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вашей беде. Но на все воля всевышнего.

Проводив дехкан, Хаким Амир Шайх два дня тщательно готовил себя к предстоящему делу. Вновь и вновь листал древние книги, сосредоточенно повторял какие-то заклинания. На третий день в послеобеденный час, когда все вокруг словно тлело от зноя, он вышел в поле. Сморщились и пожухли листья на деревьях, поникли до земли несозревшие колосья пшеницы.

Хаким Амир Шайх опустил на колени посреди мертвого пшеничного поля, воздел к небесам руки и изо всех сил стал кричать заклинания. Он кричал так исступленно, словно голос огнем обжигал его гортань. Казалось, из глаз его летели искры и дым курился над раскаленной докрасна головой.

Прошло немало времени, прежде чем заклинатель поднялся с колен, но в ту же минуту все закружилось перед глазами, и он потерял сознание. Очнулся Хаким Амир Шайх от холодного прикосновения к лицу и, открыв глаза, увидел над собой затянутое тучами небо. Шел дождь. Заклинатель снова закрыл глаза и облегченно вздохнул...

На следующий день Акмаль с утра заглянул к шефу. Анвар Саидович отложил в сторону авторучку и вопросительно взглянул на эксперта.

Акмаль коротко рассказал о беседе с инженерами.

— Ну что ж,— Анвар Саидович задумчиво почесал переносицу.— Обе версии заслуживают внимания. Значит, так: пригласи старшего ко мне завтра часикам, скажем, к шести. А сам, пока суд да дело, побывай в отделе снабжения института. Догадываешься, зачем?

— Сопrotивления?

— Да. Сколько их выдано в лабораторию и когда. А завтра не грех и больного навестить. Лучше с утра. Чтобы к шести часам располагать

более подробной информацией. Договорились?

— Договорились, Анвар Саидович. Пойду?

— Не спеши. Насчет дурного глаза... Твое личное мнение?

Эксперт пожал плечами.

— Я так и думал. А зря. Полистай подходящую литературу. Вольфа Мессинга, например. Психодинамическая энергия, биополе, парапсихология. Последнее время об этом все чаще пишут...

— Заболевание достаточно неординарное. У Джам-шида Темурова резко повысилось содержание белых кровяных телец. По-видимому, пациент подвергся гамма-облучению или оказался в зоне высокочастотных электромагнитных колебаний. Картина в общем знакомая: постоянные головные боли, общее недомогание, сонливость, упадок сил. Я сказал неординарное, но это если брать вообще. Что же касается физиков, имеющих дело с атомными реакторами... Словом, все это мы подробно изложили в письме на имя директора Института.

— Скажите, доктор, а не мог бы я сейчас побеседовать с Темуровым?

— Почему бы нет? — Главврач взглянул на часы и поднялся из-за стола.— Пойдемте провожу.

Пациент, когда они вошли в палату, читал какую-то книгу, делая из нее выписки в толстую тетрадь.

Главврач представил их друг другу и оставил наедине.

— Слушаю вас.— Даже в больничной пижаме Джамшид Темуров выглядел представительно: статный, чуть полноватый мужчина лет сорока пяти с посеребренными сединами волнистыми волосами, эффектно оттеняющими смуглое продолговатое лицо. Фотография в личном деле давала о нем весьма приблизительное представление.

Темуров положил на тумбочку книгу и тетрадь, опустил авторучку в карман пижамы.

— Итак, чем могу быть полезен?

— Многим. У нас есть основания полагать, что на вас совершено покушение.

— Та-ак? — неподдельно удивился Темуров.— Странно, как я этого не заметил. И кто же эти злодеи?

— Именно это мы и выясняем.

— Да поможет вам аллах, как говорится. Ну а если вас интересует мое личное мнение, то вы напрасно теряете время.

— Вы так думаете?

— Абсолютно уверен. Врагов, по крайней мере таких, которые решились бы на покушение, у меня нет.

— Можно подумать, о покушении ставят в известность заранее,— произнес Акмаль.— Ну хорошо, не будем спорить. Ответьте по крайней мере на несколько вопросов.

— Спрашивайте,— рассеянно согласился ученый, думая явно о чем-то другом.— Что вас интересует?

— Ваши отношения со старшим научным сотрудником.

— Вот оно что! — Темуров на мгновение задумался, но тут же решительно покачал головой.— Это исключено!

— Но ведь были же между вами разногласия?

— Были и есть. Наверняка будут и дальше. Ну и что из того?

— Просто я подумал...

— Напрасно подумали.

Некоторое время оба молчали. Темуров — укоризненно глядя на собеседника. Акмаль — стараясь ничем не выдать обиды. Ученый, видимо, понял его состояние.

— Ладно.— Он улыбнулся и сразу стал как-то проще, добрее и... печальнее.— Вот уж не думал, что в вашем ведомстве такие обидчивые молодые люди работают. Хотите знать мои отношения с Закиром? Он опять помолчал.— Хорошо, я расскажу вам о них. Но учтите, рассказ получится длинный.

— Это ничего,— воспрынул духом Акмаль и спохватился: — А вас это не утомит?

— Не утомит,— Темуров откинулся на подушку.

В актовом зале НИИ физических исследований яблоку негде было упасть: собрался практически весь коллектив— от директора до младших научных сотрудников и лаборантов.

— Приглашенные собрались все,— руководитель института окинул взглядом переполненный зал и продолжил, четко произнося каждое слово: — Научно-техническое совещание разрешите считать открытым. На повестке дня один вопрос: отчет о ходе выполнения хоздоговора «Композиция».

Прежде чем заслушать отчет, короткая справка. Два года назад по инициативе товарища Темурова Институт заключил хоздоговор на создание специальной аппаратуры общей стоимостью триста тысяч рублей. Аппаратура принципиально нового типа предназначена для работ в условиях космоса. Уже одно это говорит о ее сложности. И тем

более важно соблюдение срока, обусловленного договором. А он не так уж и велик — три года, и два из них уже позади. Полученные на сегодня результаты свидетельствуют о том, что дело движется крайне медленно и выполнение договора под угрозой срыва. Создается впечатление, что сотрудники лаборатории, возглавляемой товарищем Темуровым, не отдают себе отчета в государственной значимости порученного им дела. Не отработана технология, крайне медленно идет монтаж электронных блоков. Надеюсь, что на сегодняшнем совещании ответственные исполнители объективно оценят положение дел с выполнением договора, внесут конкретные предложения по его коренному улучшению. Вам слово, товарищ Темуров.

Джамшид Темурович не спеша поднялся на трибуну.

— Обрисованная картина полностью соответствует действительности. Мы в самом деле значительно отстали от утвержденного графика. Трудно, да, наверное, и не к чему ссылаться на какие-то причины и оправдательные доводы. Научно-исследовательские работы далеко не всегда укладываются в запланированные рамки. Проблема нанесения на композитные материалы тонкого металлического покрытия в условиях абсолютного вакуума — проблема не из легких. Ею усиленно занимаются и за границей, но, судя по всему, успехами пока не блещут. В теоретическом аспекте нам все ясно. Технология, которую мы отработываем, — принципиально новая. Мы убеждены в ее перспективности. Так что отставание от графика следует рассматривать не как показатель нашей пассивности, а наоборот. Чем тщательнее и скрупулезнее будет отработана технология сейчас, тем больше гарантии, что нам не придется снова к ней возвращаться и устранять недоделки. Впрочем, об этом более подробно и обстоятельно скажет Закир Кудратович. Это по его части.

В отличие от Темурова, старший научный сотрудник буквально взлетел на трибуну. Он был взволнован и не пытался это скрыть.

— Интересная получается ситуация! — Кудратов сверкнул глазами вслед Темурову. — Инициатор комплекса работ и заключения договора — Темуров, руководитель проекта «Композиция» — он же, а когда надо держать ответ за отставание от графика, виноватым оказываюсь я? Нет, дорогой Джамшид Темурович, так дело не пойдет! Авторское свидетельство на изобретение на двоих выдано? На двоих. Вот вдвоём и будем отвечать. На равных. Без скидок. А то как получается — вам

слава, почет, а мне — шишки?

— Товарищ Кудратов! — прервал его директор.— Высказывайтесь по существу дела.

— А я по существу высказываюсь,— огрызнулся Кудратов.— В творческом аспекте все ясно, видите ли! Темуров свое сделал. Темуров чист. Все дело в Кудрато- ве, он все тормозит!

— Повторяю: выступайте конкретно по работе,— директор постучал по столу карандашом.— Мы собрались сюда не для сведения личных счетов.

— Хорошо, товарищ директор,— спохватился Кудратов.— Прошу прощения. Практическая разработка проекта «Композиция» действительно сложная вещь. Но...— он поднял кверху указательный палец и стремительно ткнул им в сторону Темурова,— Джамшид Темурович в первую очередь виноват в том, что дело движется медленно.

— Ваши аргументы? — потребовал-директор.

— Пожалуйста,— ухмыльнулся Кудратов.— Первоначально предложенные Темуровым блок-схемы заменены новыми. Это раз. Преобразователи мощности и микросхемы по настоянию все того же заведующего лабораторией...

— Э-э, да это же все мелочи! — нервно отмахнулся Темуров.— Стоит ли у людей время отнимать!

— Джамшид Темурович! — остановил его директор.— Не перебивайте выступающего.

— Хороши мелочи! — воспрянул духом старший научный сотрудник.— Да если бы не ваше упрямство и скаредность...

— Скаредность? — возмутился Темуров.— Извольте отвечать за свои слова!

— И ответу! — Кудратов злобно сверкнул глазами.— Еще как ответу! Ради собственного престижа вы готовы отстаивать любую заведомо порочную идею. Только потому, что она ваша! Только для того, чтобы никто не смел к ней притрагиваться! Непогрешимая личность, видите ли! Гений-одиночка! — Глаза старшего научного сотрудника, казалось, метали молнии.

— Прекратите! — взорвался директор.— Не устраивайте из совещания балаган!

Пациент вздохнул и поправил подушку.

— Вот такая неприятная история вышла. Ну, а началось это все

гораздо раньше. Я вас не заговорил?

— Ну что вы! — возразил Акмаль. — Продолжайте, пожалуйста.

— Мы с Закиром еще со школы знакомы. В одном классе учились. Нравилась мне в те годы одна девушка. Манзурой ее звали. Закир это заметил. «А у тебя, — говорит, — губа не дура! Отличная девчонка. Хочешь познакомлю?» — «Без твоих услуг обойдусь!» — «Ну, как знаешь, — ответил Закир. — Смотри, как бы жалеть не пришлось». И с этого дня стал приставать к Манзуре. Нахальства ему уже тогда было не занимать. Но Манзура оказалась не из тех, кто перед нахалами пасует. Закир из кожи вон лезет, а она на него ноль внимания. Его это еще больше злило. Однажды в коридоре схватил ее за руку и не отпускает. Я как раз мимо проходил. Хотел было заступиться, но она без меня обошлась: вырвала руку, да еще пощечину Закиру закатила. А потом повернулась ко мне и говорит: «Сами своего дружка к порядку призовете или мне к директору идти жаловаться?»

После этого случая Закир как-то притих, и я уже решил было, что он оставил Манзуру в покое, но, к сожалению, ошибся. Летом после девятого класса члены кружка «Юный альпинист» отправились на Тянь-Шань, чтобы совершить восхождение на вершину Кумуш-Кап-тар. Была с нами и Манзура.

Мы выступили из лагеря ранним утром. Я шел одним из первых, неся на плечах тяжелый рюкзак с продуктами и снаряжением. Тропинка серпантином вилась между скал, зарослей шиповника, облепихи и можжевельника, подымаясь все выше и выше. Потом пошла по верхнему краю крутой каменистой осыпи, кое-где поросшей невысоким кустарником и прямоствольными деревцами. Мы уже миновали половину пути, когда позади раздался чей-то испуганный крик. Я оглянулся и замер... По осыпи, тщетно пытаюсь удержаться, катилась к обрыву Манзура. С тропы на нее в растерянности и страхе глядели ребята, не зная, что предпринять. Да и что можно было сделать! Манзуру могло спасти только чудо.

И чудо совершилось! Неожиданно для всех Закир сбросил с плеч рюкзак и огромными прыжками помчался вслед за девушкой. Уже недалеко от обрыва он обогнал ее и плашмя грохнулся на склон, широко раскинув руки и ноги. Ему удалось замедлить скольжение и встретить накатившуюся сзади девушку...

Темуrow достал платок и вытер проступившие на лбу капельки пота. Эксперт молча ждал продолжения рассказа.

— Что и говорить, Закир спас ей жизнь.— Ученый медленно сложил платок и сунул его обратно в карман.— Все мы были рады, и я в том числе. Но к чувству радости примешивалось горькое ощущение досады и зависти. Ведь по справедливости это я должен был спасти Манзуру. Я любил ее, я готов был отдать за нее жизнь. Но героем в ее глазах стал Закир, а не я. И тут уже ничего нельзя было изменить.

Он помолчал, глядя в окно. Глубоко вздохнул.

— Так по крайней мере мне казалось тогда. Прошло время. Мы окончили десятилетку. Разъехались кто куда. Я окончил вуз. Вернулся в Ташкент. И в один прекрасный день не выдержал и позвонил Манзуре.

Мы встретились в сквере Космонавтов возле фонтана. Манзура почти не изменилась: такая же красивая, обаятельная, женственная. И рада была встрече — я это сразу по глазам понял. Разговорились. Я, как бы между прочим, спросил:

— С Закиром видите?

Что-то в ней переменялось. Померкло, что ли. Ответила с каким-то вызовом:

— Встречаемся. А почему вы спросили?

Все, что я хотел ей сказать, вылетело из головы. Бухнул невпопад:

— Сватов к вам прислать хотел... Можно?

Она так и зарделась вся. На губах улыбка — то ли растерянная, то ли насмешливая:

— А что Закир скажет?

— Закир! Закир! — взорвался я.— При чем он тут? Я вас с детства люблю, а вы...

Она на меня как-то странно взглянула, пожала плечами.

— А я впервые это от вас слышу. Если хотите знать...

— Ничего я не хочу знать! — Я взял ее руку в свои ладони, поднес к губам.— Кроме одного: ты согласна?

Она едва заметно кивнула.

— Только...

— Что «только»?

— Закир...

— Опять Закир! Ну хочешь, я сам поговорю с ним?

Манзура молча потупилась. Я истолковал это как согласие и в тот же день разыскал Закира. Как только я заговорил о Манзуре, он глупо ухмыльнулся.

— Похоже, эта дуреха не на шутку в меня втрескалась. А хорошая

девчонка, правда?

Если бы вы знали, как мне хотелось разбить в кровь эти нагло хмыляющиеся губы! Но я сдержал себя.

— Скажи честно, ты ее любишь?

Он покровительственно похлопал меня по плечу.

— Давай не будем ссориться из-за пустяков. Смазливых девчонок на наш век хватит. Чего ты хочешь?

— Оставь Манзуру в покое!

— И это все? — Он уже опять улыбался.— Да ради аллаха! Но с одним условием.

— Говори!

Говорил он долго. Вспомнил школу. Отдал дань моим способностям и трудолюбию. Пожурил , за непрактичность. А потом напрямую предло<ил сотрудничество. Мои идеи, его техническое воплощение.

Наверное, мне следовало поднять его на смех. Но какая-то доля здравого смысла в его рассуждениях присутствовала, и я заколебался. К тому же мне нужна Манзура, и это обстоятельство решило все...

В общем, поженились мы с Манзурой. Закир на свадьбе сам себя превзошел. Читал стихи, поднимал тост за тостом, какие только нам пожелания не говорил. И потом, когда мы с ним уже вместе в лаборатории Физтеха работали, то и дело в гости к нам навещался и всякий раз с подарками. Со стороны посмотришь: такая дружба — водой не разлить! А на самом деле мы с ним никогда не дружили. Ни в школе, ни потом. А тугон меня просто раздражать стал. Да и сомнения стали закрадываться: я то в Москву в командировку еду, то в Ленинград, то еще куда. Манзура дома одна остается... Ей я, понятно, ничего не говорил, ему тоже. А в душе мучился.

А тут еще ребенок родился с родинкой на щеке. Окончательно меня эта родинка доконала: откуда ей быть? Ни у меня, ни у родителей наших нет родинки, а у ребенка есть.

Сейчас смешно вспоминать, а тогда... Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не приезд моего отца. Он у нас в кишлаке живет. Понавез гостинцев, весь дом на ноги поднял. А как мальчишку увидел, так и заснял весь.

— Э-э, да он у вас уже взрослый джигит совсем! А родинка-то! Родинка! Ну вылитая бабушка!..

Темуров взглянул на собеседника потеплевшими глазами и улыбнулся:

— Вот такие дела... Закир человек противоречивый, с гонором, с претензиями, с огромным самомнением. Недостатков у него тьма, но и достоинств немало, надо отдать должное. Правда, в последнее время он сильно переменялся к худшему. Замкнут стал, вспыльчив, озлоблен. Признаюсь, я его даже побаиваться начал. Глаза у него стали необычные какие-то: пронзительные, злые, так и прожигают насквозь. Но чтобы он недоброе против кого-то замыслил, чтобы руку на чью-то жизнь поднял? Нет! На такое он не способен!

— Спасибо, Джамшид Темурович,— Акмаль поднялся и протянул ученому руку.— Извините, что потревожил.

— Не за что,— Темуров встал с койки, пожал гостю руку.— Не знаю, пригодится вам то, что я рассказал или нет...

— Пригодится,— заверил Акмаль.— Еще как пригодится.

В дверях Акмаль столкнулся с выходящим из саидовского кабинета невзрачным морщинистым человеком лет пятидесяти и сопровождавшим его лейтенантом Сердюком.

— Как шеф? — поинтересовался Акмаль.

— В ажуре,— Сердюк подмигнул.— Если насчет отпуска...

— Какой там отпуск! — вздохнул эксперт.— Отгул и тот не могу использовать.— Махнул рукой и шагнул к двери.— Разрешите, товарищ подполковник?

— Входи, Акмальджан,— Саидов вышел из-за стола и указал на диван.— Садись. Что новенького скажешь?

Откинувшись на спинку дивана и прищурив глаза, внимательно выслушал рассказ эксперта.

— Значит, и мысли такой не допускает?

— Не допускает, Анвар Саидович.

— Это хорошо.— И в ответ на недоумевающий взгляд Акмаля! — А чему ты удивляешься? Порядочные люди никогда друга подозревать не станут. А с порядочными людьми и работать приятнее. Разве не так?

— Так,— согласился эксперт.

— А что насчет сопротивления?

— За два последние года таких сопротивлений институт получил восемьсот штук. Пятьдесят из них выданы лаборатории Темурова. Однако ни одно такое сопротивление в работах по проекту «Композиция» не использовалось.

— Почему?

— Нет необходимости. Сопротивления такой мощности схемой не

предусмотрены.

— И что, они так и лежат без действия?

— В том-то и дело, что нет. Все они использовались при испытании электронного устройства, образующего вторичную эмиссию.

— Значит, и это предположение отпадает... Ну, а что говорят медики?

— Ничего нового. Считают, что недомогание у Темурова вызвано действием гамма-излучения или высокочастотных электромагнитных волн.

— Выходит, остается единственная версия?

— Да, товарищ подполковник.

— Но ведь... Мягко говоря, это ненаучно.

— Мягко говоря,— да,— улыбнулся эксперт.

— Так чего же ты улыбаешься?

— На языке специалистов это называется схоластикой, идеализмом, метафизикой...

— Хватит! — поморщился Саидов.— Что там у тебя за пазухой?

— Есть кое-что,— признался Ганиханов.— Только это ведь ненаучно...

— Ладно,— нетерпеливо перебил Саидов.— С наукой потом столкнемся. Сведения о Закире Кудратове? Так точно.

— Любопытно.

— Значит так,— Акмаль пересел к приставному столику.— Прапрадед Кудратова по отцовской линии был весьма влиятельным шейхом в Старом городе.

— Вот как? — иронически прищурился подполковник.— Теперь остается выяснить, кем ему доводится пророк Мухаммед — и дело с концом.

— Дайте договорить,— обиделся эксперт.

— Даю,— улыбнулся Саидов.

— Шейх в совершенстве владел методами народной медицины. Но и это еще не все. По некоторым данным, он обладал сильнейшим биополем.

— А говоришь — ненаучно! — рассмеялся подполковник.— Сегодня только дилетанты станут отрицать существование биополя.

— Сам он этого, естественно, не знал и все относил за счет аллаха.

— Резонно.

— Табибами были прадед и дед Кудратова.

— Да ты, я смотрю, всю его генеалогию переворочил.

— Отец Закира Кудратова в прошлом известный хирург. Теперь, правда, давно уже не оперирует — годы не те. Но иглотерапией продолжает заниматься и довольно успешно.

— И тоже экстрасенс?

— Н-не знаю. По-моему, нет. Пожалуй, у меня все... Ну и еще — увлечение йогой, но это, по-видимому, не так уж и важно.

— Не скажи, не скажи...— Саидов взглянул на часы.— Знаешь, кто здесь до тебя был? Сосед Кудратова. Заявление на твоего подопечного накатал. В ста смертных грехах обвиняет. И, между прочим, в дурном глазе тоже. Он, видите ли, заглянул к Кудратову утречком, а тот на голове стоит. Кверху ногами. Как тебе это нравится?

— Никак.— Эксперт пожал плечами.— Кому какое дело?

— Верно,— вздохнул Саидов.— Я тоже так считаю. А вот этот дурак с расспросами полез. А потом и поучать стал.

— И что же? — заинтересовался Ганиханов.

— «Что-что»,— проворчал подполковник и достал из ящика стола ученическую тетрадь. Раскрыл на нужном месте.— Вот послушай: «...взглянул на меня такими нечеловеческими глазами, что у меня все внутри похолодело. Не помню, как добрался до своей квартиры и сразу же побежал в туалет. Катастрофическое расстройство желудка продолжалось четыре дня. На пятый я был вынужден вызвать врача и был госпитализирован в инфекционную больницу, где и прошел полный курс лечения острокишечного заболевания».— Подполковник поднял глаза на Акмаля.— А ты говоришь, кому какое дело. Слушай дальше. «Настоящим прошу оградить меня от преступных посягательств на мое здоровье, являющееся всенародным, общегосударственным достоянием, и принять решительные меры по пресечению злостных, антиатеистических действий лжеученого, знахаря и колдуна Закира Кудратова, дискредитирующего советскую науку...» Ну и дальше в таком же духе. На одиннадцати с половиной листах.

В этот момент зазвонил телефон.

— Подполковник Саидов.— Он не удержался и подмигнул Акмалю.— Да. Да-да, пусть проводят ко мне.

— Здравствуйте, Закир Кудратович! — Саидов пересек кабинет и поздоровался с вошедшим за руку. Отпустил дежурного и жестом указал на стул возле приставного столика.— Прощу.' Это наш эксперт

Акмаль Ганиханов. Знакомьтесь.

Они обменялись кивками. Акмаль с любопытством, Кудратов — с мрачным достоинством.

— Прошу,— повторил Саидов,— нам тут потребовалась ваша консультация.

— С удовольствием,— Кудратов был угрюм, но спокоен.— Если смогу, конечно.

— Сможете,— заверил начальник отдела.— Вам известно, что Джамшид Темуров находится в больнице?

— Конечно.

— И что вы думаете о его болезни?

Ни один мускул не дрогнул на лице Кудратова.

— Об этом лучше спросить у самого Темурова.

— Спрашивали, Закир Кудратович. Хотим знать и ваше мнение. Впрочем, отвечать или нет — дело ваше. Врачи полагают, что причиной болезни Темурова могли явиться высокочастотные электромагнитные волны.

— И как раз такие волны вырабатывает высокочастотное электронное устройство, которое вы испытываете— подключился к разговору Ганиханов.— Если вместо десятикиловольтного источника использовать тридцати-киловольтный.

Кудратов то ли не умел скрывать свои чувства, то ли просто не считал нужным. Во всяком случае возмущился он вполне искренне.

— Вы что... считаете, что я Джамшида...— угрожающий взгляд его пронизывающе яростных глаз остановился на Акмале, и тот почувствовал, как тысячи ледяных игл вонзаются в черепную коробку, в мозг, лишают воли.

— Ничего мы не считаем,— словно издав донесся до него спокойный голос Саидова.— И не надо горячиться. Мы вызвали вас сюда, чтобы докопаться до правды.

Огромным усилием воли Кудратов заставил себя опустить глаза. Он глубоко вздохнул и уставился на лежащие на столе кисти рук. Кожа на пальцах была изъедена мелкими язвочками, шелушилась. Заметив, что Акмаль смотрит на его руки, Кудратов сжал пальцы в кулаки.

— Ну, что ж...— голос рокотал глухо, но уже без угрозы.— Раз такое дело, придется, видимо, рассказать то, что я до сих пор держал в тайне. Рано или поздно все равно пришлось бы.

Он еще раз вздохнул, убрал руки со стола и сунул в карманы.

— Чтобы сразу рассеять ваши подозрения, скажу об электронном устройстве. Я действительно заменил десятикиловольтный источник энергии на втрое более мощный. Для испытаний схемы нужно было десять киловольт и двести вольт. С помощью десятикиловольтного источника такого напряжения не получишь, а в отделе снабжения имелись только десяти- и тридцатикиловольтные. Волей-неволей пришлось остановиться на последних и, используя реостат, понижать напряжение до нужного уровня. Это вам понятно?

— Да,— кивнул Саидов.

— А теперь о главном.— Кудратов помолчал, откинувшись на спинку стула.— Можно я закурую?

— Конечно.— Начальник отдела достал из тумбочки п»пельницу, поставил на столик перед старшим научным сотрудником. Тот поблагодарил кивком и прикурил сигарету.

— Пять лет, тайком от всех, я провожу эксперимент на самом себе. Удивляетесь? — Он в упор взглянул на Ганиханова.

— С чего вы взяли? Это ваше личное дело.

— Не совсем так.— Кудратов затаился и выпустил к потолку длинную струю дыма.— Формально я должен был заручиться разрешением дирекции. Опыты над человеком, да еще связанные с риском для здоровья, не поощряются.— Он усмехнулся.— Даже если здоровье твое собственное. Так что я предпочел не вводить никого в курс дела. По крайней мере до окончания эксперимента. Меня уже многие годы интересует проблема биоэнергетики. Возможности использования скрытой психодинамической энергии организма человека.

Вы, конечно, знаете, что человек в своей повседневной деятельности использует семь-восемь процентов клеток головного мозга. И этого ему вполне достаточно. Каково же назначение остальных девяносто двух процентов? Какие функции они могут или должны выполнять? В каких ситуациях? Когда? Эти вопросы не давали мне покоя ни днем, ни ночью. Пять долгих лет бьюсь над их решением. Вымотался вконец, стал неврастеником, растерял друзей, лишился семьи, прослыл злобствующим параноиком.— Он рассмеялся коротким нервным смешком,— Не Джамшид, а я должен был лежать в больнице. Каждый, даже самый маленький шаг вперед по пути познания скрытых возможностей человека давался мне страшной ценой. Я еле добирался до своей квартиры, валился с ног и часами лежал пластом, не в силах

пошевелить пальцем. Одинокий, никому не нужный, всеми презираемый...

Кудратов сделал подряд несколько затяжек и погасил сигарету. Взглянул на собеседника усталыми грустными глазами. Улыбнулся.

— Биополе... Какими только ругательными определениями не клеймили его ортодоксы от науки! Отрицали само его существование. А оно — вот оно.— Он сделал кругообразное движение руками.— Во мне и вокруг. Могучая и таинственная сила. Неразгаданная, неизученная и потому особенно притягательная. Помните эзоповскую лису под виноградной кистью? Не могу дотянуться — значит, зелен. Так и тут: не могу постичь, значит — не существует.

— А вы дотянулись? — не удержался Акмаль.

— Чуть-чуть. Кончиками пальцев. До первых виноградин. И, если хотите, только благодаря этому и сижу тут, перед вами. А иначе давно бы сыграл в ящик. Не верите?

— Ну, почему же... — осторожно ответил Саидов.

— Понятно.— Кудратов усмехнулся и обвел взглядом комнату. Взял спичечный коробок и протянул Ганиханову.— Поставьте, если не трудно, вон на тот столик.

Акмаль отнес коробок в противоположный конец кабинета, положил на журнальный столик.

— Не так,— Кудратов уже усаживался на стул возле входной двери.— «На попа». Вы что — в ашички никогда не играли?

— Играл,— улыбнулся Гениханов, ставя коробок торчком.— Так?

— Да. А теперь отойдите в сторону.

Расстояние между стулом, на котором сидел Кудратов, и журнальным столиком составляло метра четыре. Саидов с Ганихановым отошли к дивану и стали молча наблюдать за действиями Кудратова.

Тот сидел, опустив руки на колени, выпрямившись и сосредоточенно глядя прямо перед собой. И без того резкие черты лица обострились еще больше, густые брови сошлись над переносицей. Глаза, еще за минуту до того усталые и грустные, обрели сухой пронзительный блеск. Казалось, они излучают два невидимых и тем не менее осязаемых пучка энергии, и там, где сходились эти пучки, на полированной поверхности столика, одиноко маячил спичечный коробок. В кабинете было прохладно, по на лбу Кудратова проступили капельки пота. Эксперт и начальник отдела затаили дыхание. В полном

безмолвии коробок начал медленно клониться на бок. Покачнулся, словно от дуновения ветерка, и мягко лег на боковую плоскость.

— Неужели стол покачнулся? — вырвалось у Саидова.

Кудратов злобно царапнул по нему взглядом и снова уставился на спичечный коробок. Теперь его лицо выражало угрюмую решимость. Пот ручейками стекал по щекам, но Кудратов не обращал внимания. Три пары глаз скрестились на спичечном коробке, и, словно повинувшись чьей-то воле, коробок шевельнулся и стал медленно, миллиметр за миллиметром принимать вертикальное положение. Секунда, другая, третья — и, качнувшись в последний раз, коробок встал «на попа».

— Ну и ну! — восхитился Саидов.— Впервые вижу такое чудо. Да вы чудесник, Закир Кудратович!

«Кудесник» вытер лицо носовым платком и вымученно улыбнулся.

— Никогда бы не поверил, что такое возможно! — признался Ганиханов.— Прямо хоть в цирке показывай. Телекинез крупным планом!

Что-то в голосе эксперта не понравилось Кудратову. Он опять нахмурился и произнес, неприязненно глядя на Акмаля:

— Вон ту пиалу видите?

— Конечно.

Пиала стояла рядом с графином.

— Налейте в нее воды и поставьте где вам угодно.

Ганиханов наполнил пиалу и опустил на приставной стол.

— А теперь смотрите внимательно.

Чего-чего, а внимательности им было не занимать. Пиала находилась в каких-нибудь полутора метрах, и от их глаз не могла укрыться никакая мелочь.

Вначале с пиалой не происходило решительно ничего. Потом поверхность воды пошла мелкой рябью, и пиала медленно заскользила к краю столешницы. У самого края остановилась и так же медленно пересекла стол в обратном направлении.

— Хотите еще? — На побледневшем, осунувшемся лице Кудратова горячечно сверкали глаза.

— Спасибо.— Саидов подошел к нему и крепко пожал руку.— На вас и так лица нет.— И вдруг, улыбнувшись: — Хотите, теперь я вам фокус покажу?

— Что?! — опешил Кудратов.

— Ну, не фокус, так гаданье. По руке. Как заправская цыганка.

Давайте-ка сюда ладонь.

Кудратов повиновался.

— Насчет гадалки — это я так, для красного словца,— сообщил Саидов.— А если быть точным — гадание на строго научной основе. Чего вы усмехаетесь?

— Думаю, как эта наука называется. Астрология? Или криминалистика?

— Не угадали.— Они взглянули друг другу в глаза и улыбнулись.— Вернемся к ладони. Вот это — линия жизни. В начале она извивается, потом идет прямо. Иначе говоря: шатания, заблуждения, ошибки и, наконец,— правильный выбор пути. Верно?

Кудратов, продолжая улыбаться, пожал плечами.

— Ну, здесь все просто: детсад, школа, институт. Ну и как?

— Почти как в анкете.

— Верно. А теперь о том, чего в анкете нет. О ваших отношениях с Темуровым.

— Они касаются кого-то, кроме нас? — нахмурился Кудратов.

— Да как вам сказать,— тон у Саидова был подчеркнута миролюбивый.— Во-первых, они так или иначе затрагивают всех, кто работает с вами в лаборатории. Во-вторых, когда о них говорится с трибуны, они рожают в коллективе нежелательные кривотолки, слухи, пересуды. И, наконец, они перестают быть вашим личным делом, как только один из вас попадает в больницу.

— Но ведь я же вам объяснил: это я должен был попасть в больницу, а не Джамшид! Я подвергал себя воздействию высокочастотных электромагнитных волн. Причем делал это в одиночку, когда Темурова не было в лаборатории.

— И все-таки в больнице оказался он, а не вы,— мягко напомнил Саидов.— Вам это не кажется странным?

— Я как-то не задумывался над этим.

— А вы подумайте, Закир Кудратович. Человек вы несомненно талантливый. Природа наделила вас редчайшим даром. Только что сами его продемонстрировали. При вашей самодисциплине, упорстве, при ваших организаторских способностях вы, я уверен, добьетесь очень многого в этом направлении. Быть может, именно вам предстоит дать людям ключ к использованию неисчерпаемых возможностей, заложенных в каждом человеке биоэнергетических ресурсов.

Акмаль знал эту особенность шефа: то ли из скромности, то ли из

соображений профессиональной этики он никогда не «давил» на подчиненных своей эрудицией и поистине энциклопедическими знаниями, держался со всеми запросто, на равных, но когда этого требовали интересы дела, мог мгновенно «раскрыться» и буквально ошеломить человека широтой, оригинальностью и аргументированностью своих суждений и взглядов.

Так было и на этот раз: Кудратов с возрастающим интересом смотрел на Саидова.

— Но ваше редчайшее дарование напоминает обоюдоострый меч, и, мне кажется, вы этого не учитываете. Оно может принести людям много добра, но может принести и зло. Вы не согласны со мной?

— Н-не знаю,— растерянно произнес Кудратов.— Вероятно, вы правы.

— Не мне давать вам советы,— продолжал Саидов.— Но кое-какие соображения я все-таки выскажу, а принимать их или нет — дело ваше. Человек с таким дарованием, как у вас, не имеет права на проявление эмоций. Вы должны быть добры, гуманны и бесконечно терпеливы. Иначе нельзя, Закир Кудратович. Иначе, сами того не желая, вы можете наделать столько бед, что и представить себе трудно. Помните об этом всегда. Вот, собственно, и все, зачем мы вас сюда вызывали.

...В тысячах фарсах от гор, где жил Хаким Амир Шайх, в чужедальной стране в огромном дворце за неприступными стенами жила капризная, избалованная принцесса, единственная наследница сказочно богатого короля. Была она прекрасна лицом и совершенна телом, но холодна и жестока душой, ибо с детства привыкла к тому, что все вокруг беспрекословно повинуются ее желаниям и со всех ног спешат исполнить любую ее прихоть.

Зловещ и мрачен был дворец принцессы. Стены его были сложены из камней, доставленных с гор отчаяния и безысходности, кирпичи замешаны на бедах и горестях, обожжены на огне нескончаемых мук. В бесчисленных залах, комнатах и галереях зрели бесконечные заговоры, зубцы крепостных стен нагоняли страх и тоску. Каждое утро на них появлялись головы казненных, исчезавшие ночью, чтобы к утру уступить место новым.

По утрам принцесса в сопровождении фрейлин выходила на украшенный резьбой балкон, чтобы полюбоваться на толпу претендентов на ее руку и сердце. Как бы невзначай откидывала принцесса вуаль, и вздох восхищения взлетал над толпой, ибо красота

принцессы затмевала все, что могло представить себе человеческое воображение.

Затем со звоном и грохотом падали хитроумные прочные запоры, распаивались настежь ворота, и ослепленные красотой принцессы молодые люди спешили войти во дворец, навстречу своей судьбе.

Ворота затворялись с протяжным скрипом и скре* жетом, молодых людей разводили по отдельным комнатам и оставляли каждого один на один с шахматной доской. Ибо таково было неременное условие принцессы: избранником ее мог стать только тот, кто выиграет у нее партию в шахматы. Ну, а тех, кто проигрывал, ожидала плаха, и головы несчастных выставляли на всеобщее обозрение на зубцах крепостной стены. Не первый год велась эта страшная игра, но еще никому из претендентов не удалось сыграть с принцессой хотя бы вничью. Король, хотя и гордился дочерью, втайне не на шутку тревожился за ее судьбу: шли годы, а она и слышать не хотела о замужестве, с непоколебимым упорством продолжая твердить, что мужем ее станет лишь тот, кто победит ее в шахматах.

Однажды король поделился своими опасениями с первым министром и спросил совета.

— Ваше величество! — сказал министр.— Слышал я, что далеко отсюда, в горной стране живет мудрец по имени Хаким Амир Шайх, для которого нет в этом мире ничего невозможного. Если будет дозволено, я отправлюсь в эту страну, отыщу мудреца и доставлю его во дворец.

— Да будет так! — решил король, и в глазах его засветилась надежда.— Возьмите с собой охрану и отправляйтесь в дорогу.

Хаким Амир Шайх уже не раз слышал от проезжих купцов о своенравной и жестокой принцессе и потому не заставил себя упрашивать. Вместе с министром он проделал утомительный, полный лишений и опасностей путь и предстал перед королем.

О чем они говорили и к какому решению пришли — так и осталось тайной. Однако на следующее утро, войдя в одну из комнат, отведенных для претендентов, принцесса была неприятно удивлена, увидев вместо юноши или хотя бы зрелого мужчины благообразного старца в парчовом восточном халате.

Принцесса возмущенно фыркнула и, сделав ход пешкой, вышла из комнаты, не дожидаясь ответного хода. Хаким Амир Шайх не спеша снял халат, сел к столу и, прежде чем сделать ход, глубоко задумался. Однако думал он не о том, какой фигурой пойти. Мысли его занимала

принцесса. От его пронизательного взгляда не укрылась ни ослепительная холодная красота наследницы короля, ни намеренно откинута вуваль, ни выражение удивления и растерянности, молниеносно сменившееся презрительной гримасой. Изящная рука в белой перчатке, двинувшая вперед королевскую пешку, действовала привычно и машинально. Она, эта рука, явно всякий раз начинала игру именно с этого хода.

Разумеется, это еще ничего не значило, но что-то подсказывало Шайху, что не глубоким знанием шахматной игры, а силой своего личного обаяния, зачаровывающего противника, лишаящего его способности мыслить, обрекает принцесса на страшную участь свои жертвы. А если так, то...

Хахим Амир Шайх вздохнул и пошел конем.

Дверь распахнулась внезапно, и принцесса буквально ворвалась в комнату. Теперь на ней было усыпанное алмазными блестками платье, открывающее прекрасную молочно-белую шею и грудь, подчеркивающее тонкую талию и стройные ноги. Синие, в пол-лица глаза полыхали гневом. Шайх скользнул по вошедшей безразличным взглядом и равнодушно зевнул.

— Готовься распротиться со своей головой! — зловеще усмехнулась принцесса.

— Ваш ход, принцесса,— невозмутимо напомнил Шайх.

Она, почти не глядя, переставила фигуру и стремительно вышла из комнаты. Дальше игра продолжалась уже без нее. Фрейлина записывала ход Шайха, уходила, чтобы сообщить его своей повелительнице, и, возвратившись, передвигала за нее фигуру. В конце концов это надоело Шайху и, прежде чем сделать очередной ход, он велел фрейлине позвать принцессу. Та заколебалась, но Шайх решительно настоял на своем.

На этот раз она ворвалась в комнату, как ураган, и разъяренно закричала уже с порога:

— Когда мышонку надоедает жить, он заигрывает с кошкой! Настал твой смертный час! Ходи, гнусный старикашка!

«Откуда в ней столько ненависти к людям?» — спросил себя Шайх и покачал головой.

— Очень мудрая пословица. Но кто из нас кот, а кто мышонок? И если вдруг окажется, что им суждено стать супругами?

— Довольно! — вне себя от ярости крикнула принцесса.— Ходи или

сдавайся. Палач уже устал тебя ждать.

— Дитя мое,— смиренно произнес Хаким Амир Шайх.— Лучшее, что ты можешь сделать, это отпустить палача домой. Сегодня ему не найдется работы.

— Лучшее, что я смогу сделать, это велеть оторвать твою голову, как перезревшую дыню с грядки! — завизжала принцесса.

«Я напрасно теряю время,— тоскливо подумал Шайх.— В ней уже ничего нельзя изменить. Из волчьего семени котенку не вырасти. Ну что ж, попытаюсь использовать последнее средство».

Он напряг всю свою волю, медленно поднял голову от шахматной доски и встретился взглядом с горящими яростью глазами принцессы. Время остановилось.

Добро и Зло. Низость и Великодушие. Отвага и Трусость. Лед и Пламя. Свет и Тьма... Символы и отвлеченные понятия обретали реальное воплощение, схлестывались не на жизнь, а на смерть. Рушились и восставали из руин города. Умиряли и вновь зеленели оазисы. И с необратимой закономерностью вступало в свои права извечное торжество добра над злом, света над тьмой...

Что-то стронулось с места в душе принцессы, сместилась леденящая сердце глыба, закачалась, стремительно тая в теплых волнах любви и раскаяния. Слезы неудержимо полились по ее щекам, она вздрогнула, словно пробуждаясь от страшного сна, сделала шаг, другой и упала на колени, доверчиво протянув руки в сторону мудреца...

— Нам по пути,— Акмаль кивком указал на стоящую поодаль машину.— Садитесь, подвезу.

— Спасибо.— Закир Кудратович явно колебался.

— Идемте, все равно подвезу.

— Вы знаете, куда?

— Догадываюсь. В больницу. Темурова проведать.

— Угадали.— Кудратов как-то странно смотрел на эксперта.— У вас тут все такие?

— Через одного! — рассмеялся Акмаль и распахнул дверцу. Некоторое время ехали молча. Ганиханов — следя за потоком автомашин, Кудратов — поглощенный собственными мыслями.

— Из головы не идет то, что вы продемонстрировали,— первым нарушил молчание эксперт.— Вот вы говорили о восьми процентах задействованных мозговых клеток. Как вы это себе представляете?

— Сложный вопрос. Каждый, видимо, по-своему представляет.

— Ну, а вы, как специалист?

— Так уж и специалист! — усмехнулся Кудратов.— Мне лично человеческий мозг представляется стоэтажным небоскребом. Восемь нижних этажей обжиты. В них кипит жизнь. Остальные заперты наглухо. А между тем, чем выше этаж, тем лучше обзор, тем дальше видно, тем шире раздвигаются горизонты человеческих возможностей. Задержка за малым — подобрать ключи к пустующим этажам.

— И до какого этажа вы добрались?

— До девятого. В лучшем случае. Кстати, вы сегодня увидите Саидова?

— Бряд ли. Теперь уже завтра.

— Передайте ему от меня большое спасибо. На многое он мне глаза открыл.

— А вы — ему.

— Думаете?

— Знаю.— Акмаль затормозил перед светофором.

— Наверное, вот так и рождается истина,— задумчиво произнес ученый.

— Конечно,— эксперт выжал сцепление и включил скорость.— Только так. Один ум хорошо, два — лучше...

Кудратов его не торопил. Произнес вполголоса, для самого себя:

— Я повредил, я и исцелю.

— Вы о Темурове? — бесцеремонно спросил эксперт.

— Да. Видит бог, случайно получилось. Поверьте, я и в мыслях не допускал...

— Поверил.— Акмаль обогнал троллейбус и опять вырулил в первый ряд.— Мы в это с самого начала верили. Иначе бы вы не с нами, а с прокуратурой знались.

Кудратов опять взглянул на него то ли вопросительно, то ли растерянно. Промолчал. И только выходя из машины возле больницы, крепко пожал руку.

Дети-близнецы играли во дворе. Акмаль сполоснул лицо и руки над раковиной. Без аппетита поковырялся в поданном женой ужине. Есть не хотелось. Назойливо ныли виски и где-то глубоко в сознании неотступно маячили глаза Кудратова, яростные, пронизывающие насквозь.

«Тройчатку принять, что ли?» — вяло подумал Ганиханов и вдруг

его осенило — глаза! Ну, конечно же! И как он сразу не догадался? Это же так просто...

— Вспомнили что-то? — спросила наблюдавшая за ним жена.

— Что? А-а, да-да, вспомнил. Вы идите, Джамиля- хон. Посмотрите, что там малыши делают. Мне надо побыть одному.

Джамиля явно обиделась. Но Акмалю было уже не до нее. Даже головная боль отошла на второй план. Вот оно, то самое звено, которого не хватало в их с Саидовым рассуждениях!

В том, что Кудратов был причиной болезни Темурова, они не сомневались. Но вот как это происходило — здесь они становились в тупик. И даже демонстрация энергии биополя не помогла ответить на этот вопрос. Теперь все становилось на свои места. Стоит Кудратову в гнев обратиться на кого-то свой взгляд — и материализовавшиеся в энергию отрицательные эмоции достигали цели, начинали свою разрушительную работу.

По-видимому, сегодня понял это и сам Кудратов. Не случайна, конечно, оброненная им фраза: «Я повредил, я и исцелю». И не просто проведать коллегу поехал он в больницу...

Акмаль сорвался с места, торопливо набрал телефонный номер.

— Анвар Саидович? Добрый вечер. Извините, что поздно беспокою...

— Не стоит извиняться, Акмальбек,— голос шефа звучал спокойно и, как всегда, чуть иронично.— Раз звонишь, значит, есть на то причины.

— Есть, конечно...— заторопился Ганиханов.

— Тебе позвонили из больницы?

— Из... Откуда вы знаете?

— Звонили или нет?

— Нет.

— Тогда что я могу знать?

При желании шеф кого угодно мог сбить с толку.

— Ладно,— насмешливо пророкотал в трубку его голос.— Не ломай голову. Я позвонил в клинику, где находится Темуров.

«Ай да шеф! — восхитился Акмаль.— Раньше всех догадался. И молчал». По идее следовало возмутиться. Обидеться, на худой конец. Но ни возмущения, ни обиды не было.

— И что?

— Все в порядке. Темуров практически здоров. У главврача от изумления мозга набекрень.

- А Кудратов?
- Опять спорит о чем-го с Темуровым.

Перевод Н. Гацунаева

*Послы Млечного пути / Сост.: В. Новопрудский/ — Т.: Ёш гвардия,
1990.— (Фантастика Узбекистана).*